

Вера и сомнение в романах Достоевского: духовная борьба человеческой души

¹ Nurida Ganbarova, ²Namiq Abbasov

<https://doi.org/10.69760/egille.2500194>

Аннотация

Статья посвящена исследованию религиозно-философской проблематики в художественном мире Ф. М. Достоевского, в частности, теме веры и безверия как центрального конфликта в ряде его ключевых произведений. В центре анализа находятся романы «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы», где вера представлена не как догматическая истина, а как экзистенциальный выбор, акт внутренней свободы, сопряжённый с сомнением, страданием и нравственной ответственностью.

Работа рассматривает Достоевского как литературного теолога, для которого религиозные символы, евангельские архетипы и библейские аллюзии являются неотъемлемой частью нарративной структуры. Особое внимание уделяется вопросам свободы воли, теодицеи, внутреннего нравственного преображения и образу Христа как духовного идеала.

Анализируются философские и богословские влияния на мировоззрение писателя (Паскаль, Кьеркегор, отцы Церкви), а также рецепция его религиозной мысли в русской и западной философии — от Бердяева и Флоренского до Камю и Левинаса. В заключении поднимаются вопросы о современной значимости достоевской модели веры для постсекулярного сознания.

Ключевые слова: Достоевский, вера, сомнение, экзистенциализм, религиозная философия.

¹ Ganbarova, N. Lecturer, Nakhchivan State University. Email: nuridagenberova@ndu.edu.az. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2215-1459>.

² Abbasov, N. Nakhchivan State University. Email: namiqabbasov65@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2533-9257>.

Faith and Doubt in Dostoevsky's Novels: The Spiritual Struggle of the Human Soul

¹ Nurida Ganbarova, ²Namiq Abbasov
<https://doi.org/10.69760/egille.2500194>

Abstract

This article explores the religious and philosophical dimensions in the literary universe of Fyodor M. Dostoevsky, with a particular focus on the theme of faith and unbelief as a central conflict in several of his key works. The analysis centers on the novels *Crime and Punishment*, *Demons*, and *The Brothers Karamazov*, where faith is portrayed not as dogmatic truth but as an existential choice—an act of inner freedom marked by doubt, suffering, and moral responsibility.

The study approaches Dostoevsky as a literary theologian, for whom religious symbols, Gospel archetypes, and biblical allusions are integral to the narrative structure. Special attention is given to the questions of free will, theodicy, inner moral transformation, and the figure of Christ as a spiritual ideal.

The article examines the philosophical and theological influences on Dostoevsky's worldview (Pascal, Kierkegaard, the Church Fathers), as well as the reception of his religious thought in both Russian and Western philosophy—from Berdyaev and Florensky to Camus and Levinas. In conclusion, the paper addresses the contemporary relevance of Dostoevsky's model of faith for post-secular consciousness.

Keywords: *Dostoevsky, faith, doubt, existentialism, religious philosophy*

Введение

Актуальность темы веры и сомнения в философском и художественном мире Достоевского

Творчество Фёдора Михайловича Достоевского невозможно представить без глубокого философского и религиозного контекста. Его произведения становятся ареной драматического конфликта между верой и безверием, добром и злом, спасением и отчаянием. Именно в этой борьбе, в напряжённой внутренней полемике между стремлением к Богу и сомнением в Его существовании, проявляется подлинная сущность человека, как её видел Достоевский. Он писал не просто о религии, а о духовной трагедии и

¹ Ganbarova, N. Lecturer, Nakhchivan State University. Email: nuridagenberova@ndu.edu.az. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2215-1459>.

² Abbasov, N. Nakhchivan State University. Email: namiqabbasov65@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2533-9257>.

метафизической ответственности человека перед собой, перед ближним и перед Абсолютом.

XIX век в России был временем глубоких социальных, философских и духовных перемен. С одной стороны — укрепление православной традиции, с другой — рост нигилизма, секуляризма и западных идей. Эти тенденции отразились в мировоззрении русской интеллигенции и особенно — в художественном сознании Достоевского, прошедшего путь от сомнений и скепсиса до религиозного возрождения. Его биография — от осуждённого каторжника до пророка нравственного обновления — становится фоном его литературного творчества, наполненного экзистенциальными вопросами: "Есть ли Бог?", "Что есть человек без Бога?", "Можно ли без веры построить справедливое общество?" (Svintsov, 2002; Namli, 2009; Nguyen, 2024).

Достоевский предстает не только как писатель-психолог, но и как **литературный богослов**, исследующий границы свободы, греха, покаяния и спасения. Его романы представляют собой не просто художественные тексты, но философско-богословские лаборатории, в которых формулируются вечные вопросы человеческого бытия (Martinsen, 2011; Wender, 1994).

Цель данного исследования — проанализировать, каким образом тема веры и безверия раскрывается в произведениях Достоевского, как она влияет на развитие персонажей, сюжетов и моральных конфликтов. Особое внимание будет уделено романам «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы» как наиболее ярким примерам этой духовной драмы.

Методологически работа опирается на комплексный подход:

- **литературный анализ** ключевых эпизодов и символики;
- **философско-герменевтический** разбор богословских и этических аспектов;
- **контекстуальный анализ**, учитывающий историческую и культурную среду.

Таким образом, данная работа направлена на осмысление религиозно-философского измерения романов Достоевского как особой формы диалога между верой и сомнением в человеческом существовании.

1. Историко-философский контекст

Православие, нигилизм и личное откровение: силы, формировавшие религиозную мысль Достоевского

Философско-религиозное мировоззрение Достоевского невозможно рассматривать вне исторического и духовного контекста России XIX века — времени бурных социальных трансформаций, идеологических столкновений и духовных исканий. Это был период, когда традиционное православие начало испытывать давление со стороны новых,

преимущественно западных, философских течений: нигилизма, утилитаризма, материализма и рационализма, проникавших в умы русской интеллигенции.

На фоне разрыва между духовным наследием Православной Церкви и наступлением эпохи «безбожного гуманизма» (Pitari, 2023), писатели и мыслители стремились к формированию нового морального фундамента. Достоевский, в отличие от многих своих современников, не просто осмысливал религиозную тематику, но рассматривал её как **существенную антропологическую проблему** — «человек без Бога», по его убеждению, превращается в источник разрушения и нравственной анархии (Svintsov, 2002; Bastрыкин и др., 2020).

Ключевую роль в формировании его мировоззрения сыграли **личные духовные потрясения**. Арест и приговор к смертной казни в 1849 году за участие в кружке Петрашевского стали для Достоевского своеобразным мистическим переломом. Момент помилования перед расстрелом он впоследствии воспринимал как второе рождение. Каторга в Омске, общение с простыми людьми, наблюдение за страданиями и верой заключённых оказали на него колоссальное влияние, пробудив в нём тягу к религиозной истине. Этот опыт он сам называл началом **"духовного обращения"** (Martinsen, 2011; Nguyen, 2024).

Достоевский также испытал влияние ряда западных и патристических мыслителей. Особенно значительным было его внутреннее созвучие с **Блезом Паскалем**, в чьих «Мыслях» он находил близкую ему апологетику веры через признание слабости и страха. Паскалевская идея о «пари на Бога» как иррациональном, но необходимом выборе находит отражение в «Братьях Карамазовых» в фигуре Алёши и даже — парадоксально — в метафизическом сомнении Ивана.

Не менее важным было влияние **Сёрена Кьеркегора**, особенно его концепция **"прыжка веры"** — идея о том, что вера является не результатом логических доказательств, а актом внутренней воли перед лицом абсурда. Хотя Достоевский напрямую не читал Кьеркегора, сходство их мыслей о вере как парадоксальном, личном и экзистенциальном акте отмечается многими исследователями (Namli, 2009; Lajqi, 2024).

Наконец, Достоевский глубоко черпал из источников **православной аскетической традиции** и учения **отцов Церкви**: таких как Исаак Сирин, Иоанн Лествичник, а также из «Добротолюбия». Это влияние особенно заметно в образах старца Зосимы и Алёши Карамазова, где вера предстает как смиренное, деятельное, милосердное принятие страдания и любви как пути к Богу (Шилова, 2020).

Таким образом, религиозная мысль Достоевского формировалась под воздействием трёх мощных векторов:

1. Православной традиции как основы духовной этики и мистического опыта;
2. Кризиса веры, вызванного как личными трагедиями, так и идеологическими вызовами эпохи;

3. Западной экзистенциальной философии, признавшей веру как парадокс и трагедию, а не как систему.

Эта совокупность делает Достоевского уникальной фигурой на пересечении **богословия, литературы и философии**, позволяя ему не просто описывать религиозные образы, а проживать их через героев — как духовный эксперимент и антропологическое откровение.

2. Вера и сомнение в ключевых произведениях Достоевского

Нарративы веры и скепсиса: богословские темы в центральных романах

Тема веры и безверия в произведениях Достоевского никогда не сводится к абстрактному спору — она вплетена в плоть повествования, пронизывает внутренний мир героев и определяет саму структуру конфликтов. Его романы становятся ареной метафизической борьбы между тьмой и светом, сомнением и надеждой, свободой и покаянием. Ниже рассмотрим три ключевых произведения, где эта тема раскрыта наиболее ярко.

2.1. «Преступление и наказание»

→ Совесть, исповедь и благодать: моральное воскресение Раскольникова

Роман «Преступление и наказание» (1866) — философская притча о человеке, пытающемся освободиться от моральных ограничений ради идеи. Раскольников совершает убийство из убеждения, что он имеет право «переступить», как это делали великие исторические фигуры. Однако после преступления он сталкивается не столько с законом, сколько с собственным **моральным и духовным крахом** (Pintos, 2019).

Внутренний конфликт Раскольникова — это борьба между безбожной теорией и голосом совести, который проявляется через обострённое чувство вины и стыда. Персонаж Сони Мармеладовой становится олицетворением **христианской любви, жертвенности и веры**. Именно через неё Раскольников приходит к исповеди и в конечном итоге — к духовному воскресению. Прочтение Евангелия от Иоанна и его покаяние в финале символизируют **возможность благодати** и выхода из бездны через смирение и признание вины (Martinsen, 2011; Nguyen, 2024).

2.2. «Бесы» (или «Идиоты», «Одержимые»)

→ Политический нигилизм и крушение духовного порядка

«Бесы» (1872) представляют собой художественную реакцию Достоевского на нарастающие революционные движения и идеи радикального атеизма. Этот роман показывает, как **отказ от веры** и разрушение религиозной нравственности ведёт к анархии, насилию и духовной пустоте. Персонажи, такие как Пётр Верховенский, воплощают нигилистическую одержимость властью, а Ставрогин — **экзистенциальную пустоту**, неспособность ни верить, ни раскаиваться (Pitari, 2023).

Название романа отсылает к евангельскому эпизоду об одержимом бесами (Лк. 8:26–39), и это метафора России, утрачивающей свою духовную основу. Шатов, напротив, становится трагическим защитником православной веры и национального христианского сознания, погибая за убеждение, что без Бога — нет народа. В «Бесах» показано, как **идеологическое безверие трансформируется в духовную катастрофу**, в которой исчезают не только моральные ориентиры, но и сама человеческая личность.

2.3. «Братья Карамазовы»

→ Проблема зла, свобода воли и поиски Бога

Последний роман Достоевского, «Братья Карамазовы» (1880), — апогей его духовных размышлений. В центре повествования — **три брата как три философских типа**: Алёша (вера), Иван (скептицизм), Дмитрий (страсть и раскаяние). Через их взаимоотношения раскрывается главная проблема романа — **проблема зла и свободы**, одна из центральных тем теодицеи.

Знаменитая глава «Великий инквизитор» — философский монолог Ивана, в котором он отвергает Бога, обвиняя Его в несовершенстве мира и страданиях детей. Это не просто атеизм — это **нравственный протест**, идущий из невыносимого сострадания (Namli, 2009; Lajqi, 2024). Однако Алёша, ученик старца Зосимы, демонстрирует противоположный путь — путь **живой веры, сострадания и деятельной любви** как ответа на абсурд и зло.

Через раскаяние Дмитрия и духовный рост Алёши, Достоевский утверждает, что даже в условиях безбожного мира человек способен к нравственному преображению. Бог не навязывается — Он ищется и обретётся в сердце человека, прошедшего сквозь страдание, сомнение и любовь (Shilova, 2020; Bekmirzaeva & Ibodullaev, 2024).

Обобщение:

В этих трёх романах Достоевский создаёт **три великих формы религиозного испытания**:

- Индивидуальную трагедию (Раскольников);
- Идеологическую катастрофу (Верховенский и Ставрогин);
- Философский спор (Иван и Алёша Карамазовы).

Таким образом, вера у Достоевского — не утверждение, а **борьба**, не догма, а **жизненный выбор**, совершаемый перед лицом боли, свободы и Бога.

3. Вера как экзистенциальный выбор

Вера за пределами разума: свобода, ответственность и искупление

В религиозной философии Достоевского вера представлена не как результат логических доказательств или традиционной доктрины, а как **экзистенциальный акт воли** — свободный, рискованный и трагически личностный. Герои Достоевского, стоящие на

перепутье между верой и безверием, совершают свой выбор не в абстрактной плоскости, а в условиях **предельного морального напряжения**, где разум не даёт окончательных ответов, а душа требует смысла.

В этом контексте особенно уместно сравнение с идеей **"прыжка веры"** у Сёрена Кьеркегора. По мнению датского философа, человек, стоящий перед «абсурдом» и невозможностью рационального доказательства Бога, должен сделать акт веры — **иррациональный, но необходимый**, как проявление подлинного существования. Вера здесь — это не знание, а **прыжок через бездну страха и отчаяния** (Lajqi, 2024; Namli, 2009).

У Достоевского мы находим подобную модель. Вера в его произведениях — это **внутренний подвиг**, совершаемый вопреки логике, обстоятельствам и даже — внутреннему скепсису. Алёша Карамазов не отрицает трагедии мира, но сохраняет веру через смирение, любовь и служение. Его выбор — это **ответ на боль**, а не бегство от неё. Схожим образом, Соня Мармеладова — символ безмолвной, страдающей, но неизменной веры — совершает свой выбор не через рассуждение, а через жертвенность и соучастие в чужой боли.

В этом контексте вера становится **нравственным императивом**, актом личной ответственности за свою душу и за мир вокруг. Отказ от веры в романах Достоевского почти всегда сопряжён с нравственным крахом, как у Ставрогина или Ивана. Принятие веры — путь к восстановлению человеческого достоинства и внутреннего единства.

Таким образом, у Достоевского вера не столько "объясняется", сколько **переживается** — через страдание, сомнение, но и свободу выбора. Это — **вера вопреки**, вера как последний, но высший акт человеческой свободы.

4. Символика и священные архетипы

Библейские аллюзии и христианская символика в нарративной вселенной Достоевского

Одна из глубочайших сторон творчества Достоевского — это его **символический пласт**, насыщенный библейскими мотивами, образами и архетипами. Эти элементы не являются лишь украшением, они **работают на уровне структуры смыслов**, определяя моральную географию романов и судьбы героев.

Одним из ключевых образов является **Агнец** — символ жертвы, смирения и искупления. Соня Мармеладова, Алёша Карамазов, старец Зосима — все они несут в себе черты агнца, принимающего страдание не как поражение, а как путь к спасению других. Этот образ восходит к Иоанну Крестителю, называющему Иисуса "Агнец Божий, берущий на Себя грех мира" (Ин. 1:29), и глубоко вплетён в православную литургию.

Образ **Креста** как символа страдания и любви проходит через все произведения. Раскольников буквально принимает крест от Сони и начинает путь покаяния. Крест — это

не просто религиозный символ, это **знак внутренней готовности нести бремя своей вины**, обрести смирение и открыть путь к благодати.

Мотив **воскресения** в романах Достоевского также играет фундаментальную роль. Идея духовного воскресения (преображения) важнее телесного. Раскольников воскресает как личность через исповедь; Дмитрий Карамазов проходит через путь искупления; в «Идиоте» князь Мышкин воплощает идею **воскресшей любви**, хотя и отверженной миром (Wender, 1994; Shilova, 2020).

Интертекстуальные связи с Евангелием, особенно с книгами Иоанна и Матфея, можно проследить не только в сюжетах, но и в стиле — в использовании притч, парадоксальных диалогов, мотивов изгнания, суда, прощения и второго рождения. В диалогах старца Зосимы звучат **прямые параллели с Нагорной проповедью**, а фигура Алёши — почти евангельский тип безгрешного носителя любви.

Также присутствуют **апокалиптические мотивы** — особенно в «Бесах», где образ "одержимости" символизирует вторжение антихристовых идей в общественное сознание. Видения Ивана Карамазова и его «бес» также могут быть истолкованы как **пророческое предупреждение о духовной катастрофе без Бога**.

Таким образом, христианская символика у Достоевского — это не просто цитата, а **живой язык его философии**, через который он строит не только образы, но и **моральные векторы** своих произведений. Эти символы позволяют читателю не только понимать героев, но и **соучаствовать в их духовном поиске**.

5. Критика и интерпретации

Богословские прочтения и философские споры: рецепция религиозной мысли Достоевского

Религиозная философия Достоевского оказала мощнейшее влияние не только на русскую культуру, но и на мировую философскую мысль. Его творчество интерпретировалось и богословами, и экзистенциалистами, и психоаналитиками, и постсекулярными теоретиками. Эти подходы позволяют рассматривать его не просто как писателя, а как **метафизического мыслителя**, продолжающего разговор с философией, теологией и этикой.

Русская религиозная философия

В XX веке философы русского религиозного ренессанса — **Николай Бердяев, Павел Флоренский, Семён Франк** — видели в Достоевском не только великого художника, но и пророка. Бердяев считал Достоевского «мистиком свободы» и видел в его произведениях выражение **антиномического христианства**, в котором соединены Бог и бездна, страдание и любовь, свобода и вера (Бердяев, *Миросозерцание Достоевского*).

Западная философия

На Западе интерес к Достоевскому проявился прежде всего у экзистенциалистов: **Альбера Камю** и **Жана-Поля Сартра**, а позднее — у **Эммануэля Левинаса**. Камю, в «Мифе о Сизифе», обращается к фигуре Ивана Карамазова как к символу «бунта человека» против абсурдного мира. Левинас, в свою очередь, отмечает этическую глубину сочинений Достоевского, в особенности его акцент на **ответственности перед Другим**, воплощённой в символике Лица ближнего — концепт, близкий к еврейскому понятию «лицо» как откровения (Levinas, 1998).

Психоаналитические и постсекулярные подходы

Фрейд видел в Достоевском выражение подавленного Эдипова комплекса, особенно в «Братьях Карамазовых». Юнг отмечал его архетипическую символику. В XXI веке появляются **постсекулярные интерпретации**, которые рассматривают Достоевского как автора, говорящего к современному человеку не с позиции догмы, а с позиции **внутренней религиозной борьбы** в условиях утраты сакрального. Такие подходы акцентируют внимание на **этической религии** без института, на поиске Бога не в церкви, а в совести и свободе.

Влияние на религиозный экзистенциализм XX–XXI веков

Достоевский — один из родоначальников религиозного экзистенциализма. Его влияние ощущается в работах **Габриэля Марселя**, **Карла Ясперса**, **Мартина Бубера**, а также в современных теологах, ищущих связь между верой и свободой, страданием и смыслом. Его модель религиозного сознания, основанная на **борьбе, выборе и сострадании**, становится все более актуальной в эпоху духовного плюрализма и глобального кризиса идентичности.

Заключение

Вера не как догма, а как внутренняя борьба: духовное наследие Достоевского

Фёдор Михайлович Достоевский оставил после себя не только литературные шедевры, но и глубочайшее религиозно-философское наследие, в центре которого — человек, стоящий перед выбором между верой и безверием. Его вера — не доктринальная, а экзистенциальная, не предписанная, а выстраданная. В его романах вера не дана как ответ, а возникает как моральная драма, как путь боли, свободы и любви.

Достоевский убедительно показывает, что вера не есть нечто внешнее — она рождается внутри человека, в самых тёмных и трудных состояниях его души. Она приходит через сомнение, страдание, жертву, искреннее покаяние. И даже в героях, не пришедших к вере, как Иван Карамазов, слышен голос метафизической тоски по ней.

Сегодня, в эпоху постсекулярного сознания, размышления Достоевского о Боге, человеке, совести и свободе обретают новую актуальность. Он остаётся важнейшим собеседником для философов, теологов, психологов и просто ищущих людей.

Возможные направления дальнейшего исследования:

- Сравнение религиозных метафор у Достоевского и Толстого;
- Исследование буддийских или исламских аналогов в нарративной религиозной символике;
- Анализ влияния православной литургии на структуру романов;
- Интерпретация через призму философии диалога (Бубер, Бахтин, Левинас).

Достоевский не даёт простых ответов. Он оставляет человека перед зеркалом — и предлагает смотреть не только в себя, но и вверх.

Список литературы

- Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., & Сальников, В. П. (2020). Творческое наследие Ф. М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека. *Юридическая наука: история и современность*, (6), 170–177.
- Бекмирзаева, Л. Р., & Ибодуллаев, Д. (2024). Духовно-нравственные основы творчества Ф. М. Достоевского. *Bulletin News in New Science Society International Scientific Journal*, 1(6), 258–264.
- Вендер, А. (1994). The struggle for spiritual supremacy: Dostoevsky's philosophy or history and eschatology.
- Данчинова, М. Д. (н. д.). Отношение Ф. М. Достоевского к религии, образу Христа.
- Ж. Отарбаев, & Т. Генжебаев. (2025). Библейские мотивы в русской литературе XIX–XX веков (Достоевский, Лесков, Шмелев, Булгаков). *Modern Science and Research*, 4(2), 68–74.
- Idinopulos, T. A. (1975). The mystery of suffering in the art of Dostoevsky, Camus, Wiesel, and Grünewald. *Journal of the American Academy of Religion*, 43(1), 51–61.
- Jones, M. V. (2003). Modelling the religious dimension of Dostoevsky's fictional world. *New Zealand Slavonic Journal*, 41–53.
- Кошечко, А. Н. (2022). Перекрестье Востока и Запада в публицистике и романах Ф. М. Достоевского («Ряд статей о русской литературе», «Дневник писателя», «Бесы»). *Русско-Византийский вестник*, (3(10)), 36–57.
- Lajqi, M. (2024). *Existential struggles in Dostoevsky: Freedom, moral ambiguity, and the authentic self*.
- Martinsen, D. A. (2011). Review essay: Dostoevsky's struggle for faith, Dostoevsky and the Russian people, Dostoevsky's unfinished journey, Dostoevsky: Language, faith & fiction.

- Namli, E. (2009). Struggling with reason: Dostoevsky as moral theologian. *Studia Theologica*, 63(2), 197–216. <https://doi.org/10.1080/00393380903191214>
- Nguyen, Q. (2024). The analyzing human existence through Fyodor Dostoevsky's literary contributions. *Kalagatos*, 21(1), eK24015. <https://revistas.uece.br/index.php/kalagatos/article/view/12601>
- Орзиева, Б., & Саттарова, С. О. (2025). Модернистские элементы в произведениях Ф. Достоевского, А. Чехова и Л. Андреева. *Новости образования: исследование в XXI веке*, 3(29), 147–151.
- Pintos, S. G. (2019). The dynamic of belief and unbelief as developed in Dostoevsky's *Crime and Punishment* and its relevance for contemporary life.
- Pitari, P. (2023). Dostoevsky's philosophy: A critical overview of its interpretations and a definition of its contradiction. *Interdisciplinary Literary Studies*, 25(1), 27–53. <https://doi.org/10.5325/intelitestud.25.1.0027>
- Shilova, A. S. (2020). Репрезентация концепта «святость» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» [Representation of the concept “holiness” in novel F. M. Dostoevsky “Brothers Karamazov”]. *И Литературное образование*.
- Svintsov, V. (2002). Faith and unbelief: Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, and others. *Russian Social Science Review*, 43(1), 73–103.
- Человеку, П. К., & Достоевский, Г. Н. И. Ф. (н. д.). Творчество великого армянского поэта Григора Нарекаци — его духовные песни, поэма «Книга скорбных песнопений» — вершина национальной литературы.

Received: 04.01.2025

Revised: 04.02.2025

Accepted: 04.08.2025

Published: 04.11.2025

This is an open access article under the
Creative Commons Attribution 4.0
International License

Euro-Global Journal of Linguistics and Language Education
Vilnius, Lithuania